

Александр УРМАНОВ

зав. кафедрой литературы БГПУ

«В ГЕФСИМАНСКОМ Я УКРОЮСЯ САДУ...» Заблуждения и прозрения Герасима Шпилёва

В истории русской литературы, в том числе региональной, есть имена пусть и негромкие, не очень известные, но весьма и весьма важные и значимые. Не имея больших художественных достижений, не создав книг, пользовавшихся широкой популярностью у современников, их обладатели, тем не менее, заслуживают самого пристального внимания читателей-потомков. Хотя бы потому, что, являясь не только свидетелями, но и активными участниками драматических событий прошлого, предельно искренне воплотили в слове свой непосредственный чувственный и интеллектуальный опыт. Обращение к их творчеству открывает то, что ценно более всего: живые, подлинные чувства и мысли тех, кто был до нас, кто проживал и изнутри постигал исторические катаклизмы начала XX столетия, кто на себе испытал колоссальное давление социально-исторических обстоятельств, кто стал добровольным пленником господствующих в обществе идей. Постигание переживаний, внутренней мотивации поступков, самой логики жизненной судьбы таких авторов даёт прекрасную возможность лучше, глубже понять историческую эпоху, по-разному оцениваемую в наши дни.

Герасим Иванович Шпилёв – видный общественный деятель Приамурья первых послереволюционных лет, журналист, редактор, поэт, научный работник – интересен, в первую очередь, тем, что, находясь внутри революционного лагеря, прошёл непростой путь идейных и духовных исканий – путь заблуждений и прозрений. Этот физически крепкий, но эмоционально очень чувствительный и душевно ранимый человек не был простым «винтиком» или «колёсиком» «единого социал-демократического механизма», бездумным и бездушным ретранслятором социалистических идей. Как всякий совестливый и глубоко порядочный человек, к тому же усвоивший не только уставные требования социал-демократической партии, но и, особенно в детские годы, основы христианской этики, сталкиваясь с проявлениями жестокости, в том числе революционной, он порой колебался, испытывал мучительные сомнения. Постигая его судьбу, исследуя его жизненный и творческий путь, мы можем приблизиться к пониманию внутренней логики и побудительных мотивов тех людей, которые по-

святили себя служению революционным идеалам, которые делали всё возможное, чтобы в России утвердился новый, социалистический, как им казалось, самый справедливый на свете строй. И которые, в конечном итоге, этим новым строем были безжалостно растоптаны.

Есть ещё одно важное обстоятельство, вызывающее интерес к личности этого не самого даровитого амурского поэта. В отличие от Леонида Волкова (1870–1900), Порфирия Масюкова (1848–1903), Александра Матюшенского (1862–1931), Сергея Синегуба (1851–1907), Фёдора Чудакова (1887–1918) и некоторых других писателей до-революционной эпохи, приехавших на Амур из других городов и краёв Российской империи, Герасим Шпилёв был одним из первых по-настоящему амурских авторов: родился и вырос на этой земле, считал её своей единственной родиной, тосковал по ней, когда судьба забрасывала в другие места. Иначе говоря, в его творчестве нашло отражение мировосприятие первых коренных амурцев, тех, для кого Амур стал малой родиной да и, пожалуй, центром мироздания. В этом смысле произведения Шпилёва являются ценнейшим материалом для изучения истории нашего края, для воссоздания объёмной картины социально-политической и культурной жизни Приамурья первой четверти XX века, для понимания духовно-нравственной атмосферы того времени.

На свет Шпилёв появился в Благовещенске, и произошло это событие в високосном 1884 году, 29 февраля (по старому стилю)¹. Если руководствоваться народными поверьями, с днём рождения Герасиму не повезло: в календаре это число бывает лишь раз в четыре года. Так что, надо полагать, Шпилёву на этот счёт приходилось не раз выслушивать сочувственные или иронические суждения окружающих. Родиться в високосном году, да ещё 29 февраля, в то время считалось дурным знаком. По церковному календарю 29 февраля – день памяти святого Касьяна (Кассиана), жившего в IV веке и канонизиро-

¹ Краткие биографические сведения о Г.И. Шпилёве см.: Лосев А.В. Из прошлого периодической печати на Амуре (газета «Амурский край») // Вопросы истории Амурской области. Благовещенск: Амурское отделение Хабаровского книжного изд-ва, 1981. С. 92.

ванного за многочисленные благочестивые деяния. По народным же представлениям, Касьян был фигурой скорее отрицательной, чем положительной. Одна из самых распространённых легенд о Касьяне объясняет причины, по которым день этого святого праздновался не каждый год. По этой легенде, Николай, один из наиболее почитаемых на Руси святых, и Касьян, нелюбимый в народе, по-разному отнеслись к горю мужика, воз которого увяз в грязи: Касьян не захотел замарать свои светлые ризы и в таком виде предстать перед Богом, а Николай выпачкался, помогая мужику, и в награду за это получил два праздника в году: 22 (9) мая – Никола «вешний», и 19 (6) декабря – Никола «зимний». Касьян же, напротив, был наказан Всевышним: его день отмечался лишь раз в четыре года. Вопреки житийной литературе, в русских народных поверьях святой Касьян рисовался исключительно с помощью отрицательных эпитетов: Касьян *немиловливый, злопамятный, немилосердный, скупой, остудный* и т.п. Доходило до того, что в ряде местностей Касьян не признавался крестьянами святым, а само его имя считалось позорным.

Видимо поэтому, вопреки сложившейся (особенно в крестьянской среде) традиции давать имя новорождённому по святцам, в честь его святого, очередного младенца в семье ломового извозчика Ивана Шпилёва нарекли не Касьяном, а Герасимом. То есть дни его святых покровителей приходились не на 29 февраля, как следовало бы по обычаю, а на 17 (4) марта – день преподобного Герасима (I в.), основавшего монастырь на реке Иордан, и 14 (1) мая – день преподобного Герасима Болдинского (XVI в.), основателя монастыря на Болдинской горе.

Тем не менее выбор имени при крещении оказался удивительно точным, абсолютно созвучным строю души и свойствам характера Шпилёва. Здесь уместно напомнить, что знаменитые русские религиозные философы рубежа XIX–XX столетий отец Сергей Булгаков, Владимир Соловьёв и особенно Павел Флоренский – основатели так называемой «философии имени», «имяславцы», считали, что внутреннее содержание укореняется в бытии посредством имени. Имя в этом смысле понималось как воплощение личностного начала, «плоть личности»: «Назначение имён – выражать и словесно закреплять типы духовной организации»². Таким образом, имя – материализация духовной сущности, мистический код, в котором она находит своё словесно-звуковое воплощение.

Уже завершая работу над статьёй, автор этих строк любопытства ради заглянул в словари имён и был поражён: выстроенный на основе анализа творчества Шпилёва его психологический портрет практически полностью совпал с тем, что в этих словарях говорится об обладателе имени Герасим: *«У Герасима ранимая душа... Человек с этим именем обладает очень чувствительной натурой... Судьба не делает Герасиму подарков... Всё, что у него есть, добыто упорным трудом... Очень порядо-*

чен, честен... Семья у него крепкая, дружная. Дети растут в атмосфере покоя и дружелюбия, много знают, всем интересуются... Герасим – человек упрямый, но добрый. Если нужно определить натуру Герасима одним словом, это – альтруизм. Добрый и отзывчивый, он помогает всем, кто к нему обращается, но нередко сам становится жертвой своей доброты... Герасим немногословен, предпочитает слушать, а не говорить, но при этом любит всё осмыслить...»

Вернёмся, однако, к истокам жизненной судьбы Герасима Шпилёва. По некоторым сведениям, нуждающимся в уточнении, его дед, крестьянин Воронежской губернии, переселился на Амур в 1863 году. Отец будущего поэта (в момент переселения ему было не более 3–4 лет), занимавшийся извозом, переехал из деревни в Благовещенск как раз в год рождения Герасима. Семья у Шпилёвых была большая, дети с ранних лет приучались к труду, помогали родителям. В краткой автобиографии (1923) Герасим рассказывает, что рано пристрастился к чтению, что особенно сильное впечатление на него произвели прочитанные в детстве произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова и Тараса Шевченко.

В 1900 году Шпилёв окончил ремесленное училище, где получил профессию столяра. Но главная его школа – сама жизнь, в гуще которой он формировался. Это и позволило ему обрести большой жизненный опыт, выработать твёрдое мировоззрение и закалить характер. В юности Шпилёв помогал отцу заниматься извозным промыслом, рубил и сплавливал лес по Амуру (всё это позже найдёт отражение в его творчестве).

В июле того самого 1900 года, когда он окончил училище, Благовещенск подвергся обстрелу и осаде со стороны китайцев. Шестнадцатилетний юноша принял участие в защите города, дежурил вместе с другими добровольцами на берегу Амура. А осенью уехал в Маньчжурию на строительство КВЖД. Так началась его самостоятельная жизнь. О маньчжурском периоде какими-либо конкретными сведениями мы, однако, не располагаем. Слабо он представлен и в творчестве поэта: пожалуй, лишь стихотворением «Песнь генерала Тан-сту-на, идущего на казнь (Вольный перевод с китайского)», в котором схематично отражены события 1903 года в Китае.

В августе 1905 года Шпилёв приехал в Томск, где надеялся продолжить образование. Он работал в столярной мастерской и одновременно учился на общеобразовательных курсах при Томском технологическом институте, правда, недолго – жизнь вскоре направила Герасима в совершенно иное русло, заставив пройти другие «университеты». В этот период он уже печатался в сибирской и дальневосточной периодике, писал стихи. Помимо творчества, Шпилёв всерьёз увлёкся революционной деятельностью, бурный 1905 год, начавшийся с Кровавого воскресенья, к этому весьма располагал, тем более в Томске, где в ту пору очень сильны были антиправительственные настроения, где находилось немало ссыльных, где высок был процент учащихся и студентов, особенно восприимчивых к социалистическим идеям. Герасим вскоре стал начальником боевой дружины при Томском комитете РСДРП, вошёл в комитет Сибирского

² Флоренский П.А. Имена // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 141.

союза РСДРП. В Томске же он близко познакомился и сошёлся с Сергеем Мироновичем Костриковым (в будущем – Кировым), вместе с которым занимался оборудованием нелегальной типографии. 19 июля 1906 года Герасим был арестован по этому делу и заключён в тюрьму г. Томска, где провёл более шести месяцев. В связи с тем, что полиции так и не удалось найти саму подпольную типографию, Шпилёва освободили из заключения за недостаточностью улик. В 1907 он вернулся в Благовещенск, стал работать судовым механиком на пароходе «Рыбак», женился.

Судя по дошедшей до нас фотографии той поры, Герасим был очень хорош собой: высокий, статный, с правильными чертами лица, с умными, проницательными, немного грустными глазами. Почти не имея достоверных биографических сведений, сейчас трудно судить во всей полноте о родословной Шпилёва, о его корнях, но нельзя не заметить, что внешне он мало походил на типичного выходца из крестьянской среды. От него веяло и недюжинной физической силой (отсюда, видимо, литературные псевдонимы – *Пахом Рослый*, *Глыба*), и душевным здоровьем, но в то же время бросалась в глаза возвышенность натуры, отразившаяся в чертах внешности. Весь его облик выдавал в Герасиме человека мыслящего, рефлектирующего, внутренне сосредоточенного, самоуглублённого, несколько закрытого, погружённого в какие-то только ему одному ведомые размышления. Иными словами, интроверта.

Тюрьма не испугала, не отбила раз и навсегда желание заниматься революционной борьбой: недавний заключённый вошёл в состав местной организации РСДРП, действовавшей в Амурской области нелегально. Однако в июне 1909 года Шпилёв вновь был арестован по делу томской типографии. Постановлением приамурского генерал-губернатора ему было запрещено жительство в пределах области. По требованию начальника томского губернского жандармского управления в сентябре 1909 года его препроводили по этапу в Томск. По приговору суда Герасим Шпилёв отбывал шестилетнюю ссылку в селе Косая Степь Иркутской губернии. Вернуться в родной Благовещенск он смог лишь в 1915 году.

После Февральской революции Шпилёв деятельно участвовал в политической жизни города: был секретарём Совета рабочих и солдатских депутатов, членом правления союза торгово-промышленных служащих, секретарём союза горнорабочих, избирался членом областного земства, гласным городской думы. До 1919 года он стоял на меньшевистских позициях, но в 1921 году вступил в большевистскую партию. В 1920-м принял активное участие в организации издания газеты «Амурская правда», несколько лет (1921–1923) был её главным редактором. В те же годы избирался членом Амурского обкома РКП(б).

В дальнейшем Г. Шпилёв жил в Москве, работал научным сотрудником в Институте Ленина³, был членом

³ С 1931 года – ИМЭЛ: Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б); с 1956 года – Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ном правления Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Однако в конце тридцатых годов (называются и 1937, и 1938 годы) подвергся репрессиям. По одной из версий, Шпилёв содержался в тюрьме Архангельска и в 1939 году скоропостижно скончался после оглашения документа о реабилитации. На правду это похоже очень мало. Тем более что внук Герасима Ивановича – народный художник России, лауреат Государственной премии РФ Михаил Николаевич Ромадин утверждает: его дед «в 1937 году был арестован и расстрелян»⁴. Так или иначе, все эти немногочисленные биографические сведения нуждаются в уточнении и дополнении.

Первые публикации Г. Шпилёва в периодической печати Сибири и Дальнего Востока, в том числе в газетах Благовещенска, появились в 1904 году, ему тогда исполнилось двадцать лет. С годами журналистика, художественное творчество всё сильнее захватывали Шпилёва. В разное время он являлся сотрудником или автором «Амурской газеты», «Амурского края», «Амурских отголосков», «Амурского эха», «Голоса труда», «Амурской правды», а также некоторых томских и иркутских газет. До революции 1917 года свои стихи и статьи Шпилёв обычно подписывал псевдонимами: *Г. Шп.*, *Пахом Рослый*, *Мисарег* (имя Герасим, прочитанное наоборот), *Рабочий*, *Фёдор Алых*, *Глыба* и др.

Во многих его стихах, написанных в годы первой русской революции, проступает связь с традициями революционно-народнической поэзии XIX века. Однако, в отличие от тех же народников, Г. Шпилёв был поэтом уже новой эпохи – эпохи назревания пролетарской революции. Так что его раннее творчество правильнее рассматривать в контексте именно пролетарской поэзии. Стихи Шпилёва тех лет нередко выражали настроения, чувства, мысли не столько самого автора, сколько пролетарского коллектива, частичкой которого он стал себя осознавать. В таких случаях индивидуальное приносилось начинающим поэтом в жертву классовому. Отсюда – коллективистский пафос, безличное восприятие мира, особенно наглядно проявившиеся при обращении раннего Шпилёва к традиционной для пролетарской поэзии того времени теме подневольного труда:

Мы не знаем весёлого лета,
Мы не знаем гульливой весны,
Наша жизнь красотой не согрета,
Нам не снятся и вещие сны...

Эх, откройте, ребята, окошко,
Пусть простором весенним пахнёт,
В мастерской осветится немножко,
А работа от нас не уйдёт!

Однако и в процитированной «Песне столяров», и в некоторых других ранних стихах мотив нелёгкой доли рабочих оттесняется на периферию, а на первый план

⁴ Ромадин М. «Мой отец не называл себя реалистом». (Беседу вёл Евграф Кончин) // Культура. 2003. № 32.

выходит мотив борьбы. Пролетарии начинают выступать уже не в качестве пассивно страдающей массы, а как коллективный носитель идей социального преобразования жизни. Призыв к революционному действию, к бою звучит, например, в стихотворении «Из тюремных мотивов», которое было написано в 1906 году в Томской тюрьме:

Здесь закалимся душою,
В тюрьмах лишь крепнут борцы.
К бою, товарищи, к бою!
Спят лишь одни мертвецы.

Для подобных произведений характерны агитационно-призывные интонации, патетика, декларативность. Конечно, выходцу из простонародной среды Г. Шпилёву не хватало специальных знаний, общей и, тем более, филологической культуры, профессиональных умений. Его стремление поставить поэтическое слово на службу социальным задачам, сделать его инструментом классовой борьбы не могло не обернуться тенденциозностью и схематизмом, существенным сужением эстетических функций этого слова. С другой стороны, поэзия Шпилёва отразила развитие художественной тенденции, которая найдёт продолжение в пролетарской поэзии уже советского времени. И он, и другие близкие ему поэты сделали сознательный выбор – своим творчеством стремились участвовать в строительстве, как они полагали, счастливого будущего страны. И их ли вина, что будущее это оказалось не столь радужным, а лично для Герасима Шпилёва – трагичным?

Поэтическое творчество Шпилёва не исчерпывается пролетарской тематикой. В первом его небольшом поэтическом сборнике, вышедшем в 1908 году в Благовещенске⁵, помимо произведений с ярко выраженной социальной направленностью («Посещение Благовещенска», «Ломовой извозчик», «Песни ужаса», «Переселенцам»), значительное место занимает пейзажная лирика: «Песня родине», «Привет», «Утром», «На лугах», «На Зее». Некоторые из стихов, воспевающих амурскую природу, написаны вдали от Амура, в том числе в тюрьме Томска. Наверное, поэтому они буквально пронизаны остро-щемящим чувством любви к родным местам, которые ассоциируются у Шпилёва с волей. Не случайно он открывает сборник стихотворением «Песня родине», имеющим подзаголовок «Из томской тюрьмы»:

Ах! если б сейчас бы пройтись по полям
Родного, далёкого края,
Подняться бы к небу по горным хребтам,
Где видится даль голубая,

Где гулко шумят вековые леса –
Ласкает их ветер могучий;
Где скалы, утёсы – Амура краса,
Где ключ серебрится гремячий.

В тюремном заточенье, как это ни удивительно, не идеологические догмы, не манящий свет зыбких коммунистических идеалов, а именно любовь к родному амурскому краю согревала душу, поддерживала веру в будущее, придавала сил.

Ещё одно пронизанное ностальгическими чувствами произведение сборника – стихотворение «Привет», лирический герой которого, закованный в кандалы узник, страстно мечтает увидеть «родной», «безумно любимый» Амур. На помощь ему приходит воображение:

И вот я увидел... встают предо мной
Забывшие детские грёзы,
Встают из тумана, бегут чередой...
И капают жгучие слёзы.

Теперь я измучен: иду в кандалах,
Их лязг мою душу терзает,
Мозоли и кровь на усталых ногах,
Но радость в груди вырастает...

Я снова увидел Амур мой родной...
И сердце забилося неволью...
Представилось всё мне мечтой голубой...
И радостно так, и так больно!..

Таким образом, помимо социального, классового чувства, ещё один значимый источник поэтического вдохновения автора сборника «Стихотворения» – сроднённость с амурскими просторами, ощущение неразрывной связи с родной природой. Не потому ли, когда, наконец, Шпилёву представилась возможность вернуться на малую родину, от соприкосновения с самыми обычными природными явлениями его охватывает необыкновенная лирическая взволнованность. В стихотворении «На лугах» он предстаёт не в ипостаси сурового пролетария, мечтающего избавить угнетённое человечество от сковывающих его цепей, а в обличье вдохновенного и чувствительного пейзажного лирика:

Чуть забрезжит заря золотистая,
Выхожу я в луга на простор:
Сверху небо бездонное, чистое,
На вершинах лежащее гор,

А вдали предо мной расстилается
Трав медвяных зелёный ковёр,
И встаёт, к небесам подымается
Белый пар с призатихших озёр.

Зея там, изгибаясь торжественно,
Катит быстрые воды свои...
Так светло, так легко, так божественно
На лугах в эти чудные дни!

Однако в последней строчке стихотворения автор как будто спохватывается. Вспомнив, видимо, о своей классовой принадлежности, об освободительной миссии пролетариата, он завершает поэтический гимн красоте

⁵ Пахом Рослый [Шпилёв Г.И.]. Стихотворения. Книга 1. Благовещенск: Типография т-ва «Амурского печатного дела» (Д.О. Мокин и К^о), 1908. 28 с.

родного края совершенно неожиданным итогом: «О, люблю вас, равнины зазейские, / Вы даёте мне сил для борьбы!..»

С сугубо классовых позиций Шпилёв излагает и историю переселения крестьянства из центральных губерний России в Приамурье. Замыкающее сборник стихотворение «Переселенцам», которому предпослан эпиграф «Припожалуйте, красные девицы!.. (Из народной песни)», – едва ли не единственная в своём роде поэтическая версия этих событий, ибо в ней амурский автор выражает точку зрения не общенациональную, не государственно- или местно-патриотическую, а узкоклассовую. В представлении Шпилёва, смысл организации переселения на Амур состоял в том, чтобы спровадить как можно дальше, к чёрту на кулички, социально активную, революционизированную часть народа: тех, кто посягал или мог посягнуть на власть и собственность дворянства, кто «не ждал уж теперь дозволения, / А протягивал руку и брал, / Если надо, сжигал и имение, / А придётся – и лес вырубал». Чтобы добиться задуманного, злокозненное дворянство не гнушается ничем: идёт на откровенный обман, раздаёт заведомо невыполнимые обещания:

...«Поезжайте: живётся там весело.
Мы даруем вас кучами льгот.

...Поезжайте! вы здесь голодуете,
Там же будете жить как купцы...»

И мужики поддались лживым увещаниям, «поверили сказкам сладчайшим», променяли родимую землю на обещанный «рай» в далёком бесприютном краю. Спровадив бунтарей в гиблые места, дворяне от души «веселятся и тешатся».

А Петры да Иваны забралися
В отдалённый, заброшенный край,
И когда же в делах разобралися,
То завыли отчаянно: «Ай!..»

Тут леса да болота пустынные...
И работы нигде не найдёшь...
Хороши были сказки змеиные,
Но отсюда теперь не уйдёшь!..»

Возможно, такая искривлённая картина заселения Амурского края сложилась у Герасима Шпилёва под влиянием рассказов старшего поколения его семьи, других переселенцев, чьи ожидания были обмануты. Но, скорее всего, содержание, идейная направленность стихотворения «Переселенцам» оказались результатом воздействия революционно-демократического мировоззрения автора. Когда начинающий поэт всецело отдавался классовому чувству, когда ставил своё перо на службу интересам чаемой революции, его стихи заполнялись расхожими суждениями, почерпнутыми из модных в те годы на Руси социал-демократических брошюр и революционных прокламаций.

Живое поэтическое чувство рождалось лишь от прямого соприкосновения с действительностью – будь

то трогаящая душу родная амурская природа или события социально-политического характера, непосредственно задевающие автора, вызывающие у него острую эмоциональную реакцию. В числе последних – остродраматические события, произошедшие в Томске 20–22 октября 1905 года. События, свидетелем и активным участником которых стал несостоявшийся студент, социал-демократ по убеждениям и партийной принадлежности Герасим Шпилёв. К тому моменту он проживал в сибирском городе чуть больше двух месяцев.

Итак, 18 октября 1905 года на Соляной площади Томска казаками и полицией был необъяснимо жестоко, с применением нагаек разогнан революционный митинг, в котором участвовали преимущественно учащиеся средних учебных заведений. В тот же вечер состоялось чрезвычайное заседание городской думы, которая потребовала от губернатора немедленного устранения от должности городского полицмейстера и предания его суду, а также удаления из Томска казаков. Кроме того, было решено прекратить финансирование полиции и создать народную милицию для охраны и защиты населения города.

В ответ на это местная «чёрная сотня» при попустительстве губернских, полицейских и военных властей устроила в городе масштабный погром, вызвавший в России широкий общественный резонанс. 20 октября между вооружённым отрядом формируемой городской думой «народной милиции» и возбуждённой, подогреваемой провокационными слухами толпой произошла перестрелка, были жертвы с обеих сторон. После этого погромщиками был подожжён театр Королёва, в котором проходил митинг революционно настроенной публики. Часть его участников попыталась найти спасение в трёхэтажном здании управления Сибирской железной дороги, там же укрылись и случайные прохожие, напуганные разъярённой толпой. Здание было окружено черносотенцами, атаковано (по одной из версий, в ответ на прозвучавшие из здания выстрелы) и подожжено. Многие из тех, кто выпрыгивал из окон, попадали под пули, под удары палками. Сгоревших в огне, убитых, растерзанных толпой было несколько десятков человек.

В следующие два дня толпы черносотенцев с портретами государя, практически не встречая сопротивления со стороны сил правопорядка, продолжили погром. Были разграблены и сожжены десятки зданий, прежде всего – дома и магазины богатых евреев и либеральных городских деятелей, в том числе дом городского головы А.И. Макушина. Попутно толпа избивала и студентов.

Всё это Шпилёв видел собственными глазами. В составе рабочей дружины он участвовал в перестрелке с погромщиками, а когда дружинники, после безуспешной попытки остановить многотысячную толпу, были вынуждены отступить, едва не разделил участь тех, кто оказался в подожжённом здании.

Пережитое потрясение Герасим Шпилёв не мог забыть до конца дней. Впечатления от томского погрома отразились в ряде его произведений, в том числе в двух стихотворениях, объединённых сквозной нумерацией и общим названием «Песни ужаса», с подзаголовком «Из

воспоминаний о томском погроме». Первое, озаглавленное предельно выразительным словом «Кошмар», рисует апогей томских погромов – чудовищные зверства черносотенцев, которые добивали тех, кто пытался спастись из горящего здания управления железной дороги. Эти жуткие картины изображаются ретроспективно, сквозь призму граничащего с безумием ночного кошмара, преследующего лирического героя, не дающего ему покоя. Разум героя противится воспринимать всплывающие в памяти кошмарные видения как явь – слишком дико выглядят они, слишком сильно расходятся с идеальными представлениями о человеческой природе. Однако факт остаётся фактом: в стихотворении «Кошмар» воссоздаются подлинные обстоятельства томского погрома – то, что на самом деле видел, пережил Герасим Шпилёв:

Мне мерещилось всё: люди гибнут в огне,
Их всё бьют, всё терзают, стреляют.
Они стонут и плачут и руки ко мне
Простирают – надежду питают.

Но куда!.. Я стоял одинокий меж тех,
Между тех обезумевших тварей,
Раздавался в толпе злой бессмысленный смех:
Гоготали звериные хари.

Кто из пламя бросался на земь и бежать
Лишь хотел, его тотчас хватали
И старались всего донага обобрать,
Убивали, ругались, терзали.

...И опять всё вставало, как видел, как есть:
Там мозги, там кишки растянулись...
«Люди, люди! где правда, где совесть, где честь!» –
Я кричал – и в избе все проснулись...

Потрясение, пережитое автором во время погрома, было настолько велико, что описанию своих чувств он посвящает добрую половину стихотворения. Об этом потрясении он говорит и в финальных строчках: «Этот ужас безумный мне в душу стучать / Будет, будет до самой могилы».

Выходившая в Петербурге либеральная газета «Право», редактируемая В.М. Гессеном и Н.И. Лазаревским, в номере от 4 декабря 1905 года приводила свидетельства очевидцев томского погрома: «Один старик из окна пылавшего здания просил у негодеёв пощады во имя детей. Ему подали шест и, когда он достиг земли, зверски убили. Молодую девушку, пытавшуюся спастись бегством, раздели донага и, взяв за ноги, буквально разорвали... Настигнутого на улице студента свалили с ног и, вставив кол в рот, разломали череп...»

Возможно, именно об этой упомянутой в газетном материале растерзанной девушке Шпилёв рассказывает в стихотворении «Над трупом» – то есть во второй части «Песен ужаса». Это в художественном отношении откровенно слабое произведение он считал, по всей видимости, чрезвычайно важным, так как включил его (с небольшими поправками и под новым заголовком

– «Невеста») в следующую свою книгу, которая вышла через 11 лет, в принципиально иных исторических условиях. Казалось бы, ну что такое гибель этой безымянной девушки в давно всеми забытом томском погроме? Почему Шпилёв счёл необходимым вновь напомнить об этом диком случае в 1919 году, после череды потрясших Россию революционных катаклизмов, после двух истребительных войн – мировой и гражданской, после всех произошедших за сравнительно короткий исторический отрезок жестокостей, после неисчислимых жертв самой кровавой российской усобицы? Не потому ли, что в этом, казалось бы, частном, локальном событии 1905 года автор «Песен ужаса» увидел прообраз того, что будет происходить в России позже – разумеется, в неизмеримо больших масштабах?

Октябрь 1905 года в этом смысле стал для Герасима Шпилёва поворотным событием. После пережитого им потрясения период юношеского романтизма и книжного идеализма остался в прошлом, многие иллюзии развеялись. В том числе и главная – по поводу внутреннего потенциала, склонностей значительной части русского народа. Он воочию увидел накопленную во многих своих соотечественниках энергию ненависти, которая при малейших благоприятных условиях вырывается на волю, превращая людей в подобие кровожадных зверей. С этого времени Герасим более осмысленно стал направлять собственную жизнь на решение важнейшей задачи – на создание социально-политических условий, которые смогут удержать русских людей от выплеска разрушительных инстинктов, которые, напротив, будут пробуждать в них созидательные, добрые начала. Шпилёв на практике убедился, что ни русская православная церковь (погромщиков благословил епископ Томский и Барнаульский Макарий), ни самодержавие со всеми его как будто бы мощными государственными институтами не способны подавить или, тем более, изжить зоологические инстинкты толпы. Возможное спасение, панацею он увидел в социалистическом учении, в политической программе российской социал-демократии.

Вернёмся, однако, к стихотворению «Над трупом». Оно во многих отношениях построено иначе, чем первая часть «Песен ужаса». В нём почти нет эмоционального надрыва, в прямой форме не передаются чувства автора. В нём нет реалистически достоверного портрета невинной жертвы погромщиков, автор ограничивается тем, что уподобляет её прекрасному цветку: «Лилия стройная, белая, чистая / Пышно в саду расцвела». Мученическая гибель подобной *ангелу прекрасному* «невесты» также дана не через описание подробностей, а с помощью развёрнутой метафоры, причём избитой: «Кто-то пришёл и ногою преступною / Лилию в грязь затоптал». В первом стихотворении «Песен ужаса», как помним, погромщиков-убийц автор именуется без каких-либо экивоков и эвфемизмов: «звериные хари», «обезумевшие твари»; во втором ограничивается неопределённым местоимением «кто-то». Реалистически конкретно, с помощью выразительных подробностей в стихотворении «Над трупом» показан лишь результат жестокого надругательства над телом и душой чистого, невинного существа:

Вот, перед вами она так поругана:
Кровь запеклась на устах,
Очи раскрыты, и точно испугана,
Точно сковал её страх.

Страшно пред вами она растянулася,
Нагло оборвана, трупом лежит...

.....
.....

Во второй сборник Шпилёва последняя строфа вошла в своём первоизданном виде, то есть с точками вместо последних двух строк. В 1919 году вряд ли возможны были редакторские купюры или цензурные изъятия, тем более в стихотворении о давнем погроме, оставшемся как бы на совести царского правительства. Следовательно, таков, видимо, и был изначальный замысел автора: приоткрыв завесу, показав часть леденящей кровь картины, остановиться и тем самым активизировать читательское воображение. Поэт не столько рассказывает о пережитом, о своих чувствах, сколько *демонстрирует, показывает* последствия человеческой жестокости, предлагает читателю самому представить растерзанную девушку, этот бессмысленно погубленный прекрасный цветок. О том, что именно такую задачу ставил автор, свидетельствуют начальные строки последних двух строф, обращённые именно к читателям: «перед вами она так поругана», «страшно пред вами она растянулася». То есть, возможно, он хочет сказать: и вы не защитили её и других невинных людей, и на вас лежит ответственность за случившееся в 1905 году и позже.

Как было сказано выше, уже после большевистской революции, в 1919 году, в Благовещенске в типографии товарищества «Труд» вышел второй (он же и последний), более объёмный (64 страницы убористого шрифта) поэтический сборник 35-летнего Герасима Шпилёва – «Голоса земли», на этот раз под собственным именем.

В сборнике 62 произведения, среди них: стихи на революционные темы, в большинстве своём воссоздающие эпизоды и картины жизненной судьбы самого автора; пейзажные зарисовки – их особенно много; несколько бесцветных посвящений; лирико-философские размышления о смысле человеческого бытия, об устройстве мироздания; любовная лирика – в художественном плане по большей части слабая, подражательная; наконец, два венчающих книгу объёмных сюжетных стихотворения о жителях амурской земли, которые в трудных условиях заготавливают и сплавляют лес, занимаются извозным промыслом.

Открывает книгу стоящее особняком программное стихотворение «Напев», играющее роль своеобразного вступления. В нём автор как бы анонсирует содержание книги, предупреждает читателя, о чём пойдёт речь: «Про леса-тайгу дремучую, / Про озёра серебристые, / Про любовь такую жгучую / К делу правому и чистому...» То есть уже здесь обозначены магистральные темы сборника – природа и революционная борьба.

Все остальные произведения разбиты на восемь разделов: «Горицвет», «Красный плен», «Чёрный звон»,

«Подвиг», «В провалах», «Камень-горюн», «Тайга» и «Всполохи». Хотя стихи автором не датированы, есть основания предположить, что основной композиционный принцип книги – хроникальный. Иначе говоря, последовательность разделов-циклов соответствует последовательности этапов жизненной судьбы самого поэта. Об этом можно судить уже по тому, что включённые автором в «Голоса земли» три его ранних пейзажных стихотворения из сборника 1908 года («На горной вершине», «На лугах», «Май») получили прописку в первом разделе. Ещё одно – «Невеста», посвящённое томскому погрому 1905 года (о нём речь шла выше), – во втором. Впечатления, полученные Шпилёвым в тюрьме Томска, отразились в четвёртом разделе – «Подвиг». Следующий, пятый – «В провалах», воссоздаёт реалии иркутской ссылки. Подобный принцип сохраняется и в следующих разделах книги.

Удивительное дело: в художественном мире Герасима Шпилёва, создававшего свои стихи в одно время с Клюевым, Есениным, Блоком и многими другими поэтами Серебряного века, активно разрабатывавшими историко-патриотическую тематику, не встречаются такие понятия, как *Россия, Русь, русская земля*, не фигурируют названия столиц, других исконных русских городов и земель, вообще нет прилагательного *русский* и его производных. И это у внука переселенцев из центрально-чернозёмной России, наверняка тосковавших по покинутому отчуждённому краю и наверняка старавшихся передать ему своё любовное отношение к далёкой, но бесконечно дорогой сердцу земле предков.

Более того: автор «Голосов земли» ни разу не обращается к теме славного (или бесславного) исторического прошлого страны, не упоминает ни одного крупного события или исторического лица, ни одного выдающегося деятеля русской культуры. Напрашивается предположение, что он, возможно, не ощущает глубокой внутренней связи с Центральной Россией, с тысячелетней русской историей, с многовековой национальной культурой, не воспринимает себя живой частичкой древней русской цивилизации. В чём здесь причина: в особенностях ли мировосприятия типичного представителя далёкой окраинной территории? в географической ли удалённости поэта от эпицентра русского мира? в недостатке ли образования, узости исторического и общекультурного кругозора? в ограниченности ли классового сознания, привитого Шпилёву средой? Наверное, в той или иной мере сказалось всё перечисленное. Но главное не в этом, а в специфике его основного творческого принципа: поэт воссоздаёт преимущественно то, что видит и слышит вокруг себя, что постигает посредством собственного жизненного опыта. При этом у Шпилёва нет ощущения, что подлинная родина, её сакральный центр находится где-то далеко, что он по отношению к ней занимает какое-то заведомо проигрышное – окраинное положение. Автору «Голосов земли» не присущ комплекс провинциальной неполноценности. В отличие, скажем, от петербуржца по рождению Л. Волкова, признававшегося: «Суровая Сибирь! Тебе я не родной...», Шпилёв не делит Россию на географический, исторический, культурный *центр* и отсталую, маргинальную *периферию*.

В книге «Голоса земли» совсем немного и топографических координат Приамурья – за исключением небольшого числа преимущественно ранних и самых поздних стихов, в которых фигурируют гидронимы Амур, Зея, Буря, топоним Благовещенск. Родина (это слово встречается в «Голосах земли» лишь дважды) предстаёт у Шпилёва не в обобщённом мифологизированном виде, а в конкретном – видимом, осязаемом: в образах деревьев, кустарников, трав, цветов, диких животных, птиц. Родина для него – это, прежде всего, окружающий природный мир, экзотические ландшафты Приамурья и Восточной Сибири. И те люди, которые здесь живут и трудятся, которые осваивают этот дикий, заповедный край.

Лирический герой большинства стихотворений сборника напрямую, без посредничества *России* как создававшейся веками исторической и культурной мифологии, связан с дальневосточной и сибирской тайгой, с природными стихиями, включен в глобальные мировые координаты, ощущает себя частью беспредельного мироздания, предстоит перед ним. Мироздания, по его ощущениям, безучастного, равнодушного к человеку, к людским страданиям. Видимо, это и стало главной причиной разочарования поэта в Творце, не сумевшем или не захотевшем создать гармонию в мире людей:

Лишь в груди моей зло разгорается
Против жизни, обильной несчастьем,
А кругом меня всё улыбается,
Равнодушным полно безучастием!..
(«Май»)

Небосвод, звёзды, солнце, луна, земля, река, луга, степь, горы, тайга – таковы топографические контуры и координаты, а также сама субстанция создаваемого Шпилёвым поэтического космоса.

Удивительно, но факт: одним из наиболее частотных образов в книге «Голоса земли» является именно космос – беспредельное и совершенное мировое пространство, по контрасту оттеняющее несовершенство и ограниченность земного бытия, земного мироустройства:

Звёзды в небе горят
Светозарным огнём,
Их мерцающий взгляд
Говорит об одном:

Мир безмерно велик,
Бесконечно глубок,
И как здесь, на земле,
Человек одинок!..

(«Песни тайги»)

Одно из самых выразительных стихотворений на эту тему – «Перед лицом космоса»:

Ночь... Красивая ночь над землёю!
Горы дремлют в торжественном сне,
Звёзды блещут во мгле надо мною, –
Сказку вечности шепчут оне.

Эта сказка о чём-то великом,
Как молитва пред Божьим лицом,
Пред сверкающим царственным ликом,
Что сияет во мраке ночном!..

Но забыли прекрасные звёзды
О страданье тяжёлом людском.
Им не видно из пасмурной бездны,
Как на жалкой земле мы живём.

И проходят прекрасные звёзды,
Эпопею поют о былом,
И не знают, что в пасмурной бездне
Мы в страданиях и горе живём!..

Этот космос воспринимает, ощущает, как нетрудно заметить, не завзятый материалист и атеист, коим революционеру, социал-демократу, пролетарию Шпилёву надлежало быть по определению, а человек, которому мистически открывается сияющий в ночном мраке *царственный лик – Божье лицо*, то есть человек, внутренне, душевно, сердечно предрасположенный к принятию и исповеданию спасительной веры в Христа. На рациональном уровне, мировоззренчески лирический герой сборника (и легко просматривающийся за ним автор), понимает, не приемлет религию, отвергает Церковь и Царствие Божие, убеждает читателя (но прежде того – самого себя), что Христос – всего лишь утешительный обман:

Так грустно и больно! В тревоге
Сажусь я на старый курган.
И думаю снова о Боге,
И вижу я снова обман...

(«На путях жизни»)

На уровне же мироощущения, непосредственного чувственного восприятия лирический субъект сборника Шпилёва не является атеистом. Какая-то непостижимая и властная сила, сопротивляться которой лирический герой не в состоянии, вновь и вновь приводит его в Божий храм, заставляет с волнением вслушиваться в перезвон церковных колоколов. Что забыл в православном храме как будто бы завзятый атеист, член РСДРП, революционер? Автор пытается убедить читателя, что лирическим героем движет стремление лишней раз продекларировать, подтвердить своё неверие. Но зачем, спрашивается, ему для этого заходить в церковь, зачем раз за разом возвращаться к одному и тому же вопросу – о вере?

Мироощущение Шпилёва – это мироощущение человека если и не верующего в привычном, обыденном смысле этого слова, то, безусловно, внутренне тянущегося к вере, к высоким идеалам. Его уход в революцию, участие в классовой борьбе по душевному побуждению и главному жизненному вектору не были уходом от веры к безверию, к атеизму, это был путь к новому Храму, это была попытка обретения иной веры – более действенной, чем христианство, способной более быстро исправить несовершенный мир и ещё более несовершенного человека.

Шпилёв принадлежал к той разновидности русских революционеров, для которых нравственные идеалы, истина, справедливость были высшей ценностью. В каком-то смысле он был из категории взыскующих Града. Его тяга к духовным поискам отразилась в целом ряде произведений, например в стихотворении «Храм»:

Захожу я в храм. Там пышные колонны
Серебром и золотом причудливо горят.
В драгоценных ризах старые иконы
Мрачно и угрюмо на меня глядят.

В этом храме скука, лень и запустенье:
Свечи и кадила сумрачно курят,
И уныньем веют скорбные моления –
Люди монотонно, тупо их твердят.

Нет, я не желаю храма усыпленья,
Где и мысль, и совесть робкие молчат!
Я хочу другого – храма возрожденья
Светлого, как солнце, как пророка взгляд,

Где бы мысль сверкала яркая, как пламя,
Научая правду и простор любить,
Где бы развевалось Пурпурное Знамя...
...В этот Храм Великий буду я ходить!..

Этот желанный Храм (непременно с большой буквы!) видится поэту не очень отчётливо, идиллические представления автора имеют не очень много общего с контурами *светлого будущего*, которое рисовалось в политических и экономических программах российской социал-демократии.

Судя по процитированному стихотворению, автор стремится найти замену христианской вере. Ему кажется, что коммунистический идеал и является той путеводной звездой, которая должна придти на смену потускневшей к началу XX столетия Вифлеемской звезде. Однако когда поэт пытается поэтически выразить символ своей новой веры, вместо живых картин, которые прежде легко рождались при соприкосновении с евангельскими сюжетами и образами, из-под пера Шпилёва начинают чередой выходить шаблонные образы, банальные эмблемы. Характерный пример – стихотворение «Знамя интернационала»:

Шёлковые красные знамёна
Развеваются над грозною толпой:
Среди проклятий и среди стоны
Пролетариат ведёт бой!

...Встаёт великое, прекрасное светило
Всечеловеческий, бессмертный идеал,
Как сталь из страшного, гудящего горнила,
Рождается в борьбе интернационал!..

Пусть рушатся дворцы, грохочет канонада,
И царствует везде безумие и бред,
На площадях пусть строят баррикады,
– Без смерти не бывает и побед!

За всеми этими дежурными лозунгами и голой риторикой, за всем этим чрезмерным пафосом совершенно теряется автор – человек, прошедший через тюремную камеру и многолетнюю ссылку, через сомнения и разочарования, через «безумие и бред» томского погрома, написавший «Песни ужаса». Когда-то от одного воспоминания об увиденных убитых людях он «плакал и рвался», «страдал» и «убивался», теперь всё изменилось. Если раньше ему «багровая кровь заливала глаза», если прежде от её вида «в душу безумство вползло», то теперь кровь как будто бы не страшит поэта:

Несите же сквозь дым кровавые знамёна
Во имя светлых и далёких грёз;
Пусть льётся кровь и раздаются стоны,
Но вы не бойтесь ни стоны и ни слёз!..

Этот мотив чуть позже прозвучит и в стихотворении «Полночь»: «Знамя кровавое / С честью и славою / К зорям далёким несите! // Тропы тернистые / Кровию чистую / Смело опять оросите!..»

Как-то плохо вяжутся эти повторяющиеся декларативные призывы («Пусть льётся кровь и раздаются стоны», «не бойтесь ни стоны и ни слёз!») с тем, что звучало в «Песнях ужаса». Способен ли был сам автор убивать, да ещё и не обращая внимания на стоны и слёзы? Даже если причинять людям страдания пришлось бы «во имя светлых и далёких грёз»? Сомнительно. Судя по «Кошмару», «Невесте», многим другим предельно искренним произведениям, Герасим Шпилёв боялся, не хотел крови, человеческих страданий, слёз. В стихотворении «Сад пыток» – одном из своих программных поэтических текстов, Шпилёв прямо заявлял, что будущему, если оно будет строиться на насилии, на крови, на тиранстве, он предпочтёт возврат к христианскому идеалу:

Нет, я не желаю крови и тиранства,
И я уйду, уйду, уйду,
Чтобы не видеть власти хулиганства,
В Гефсиманском я укурюся саду...

Увы, как мы теперь знаем, укрыться не удалось... Трагический финал судьбы поэта был predetermined. Каков бы ни был конкретный повод для ареста Герасима Шпилёва, именно глубинное неприятие «крови и тиранства» стало подлинной причиной гибели автора «Голосов земли». Как ни скрывал он своё критическое отношение к происходящему в 30-е годы, как ни прятал скепсис, как ни маскировал своё внутреннее отторжение, всё это не могло, так или иначе, не прорываться наружу. Но запоздалое прозрение идейного революционера, если оно и имело место, ничего уже изменить не могло – ни в его собственной судьбе, ни в судьбе страны, пожинаяющей горькие, поистине страшные плоды очередного своего трагического заблуждения.

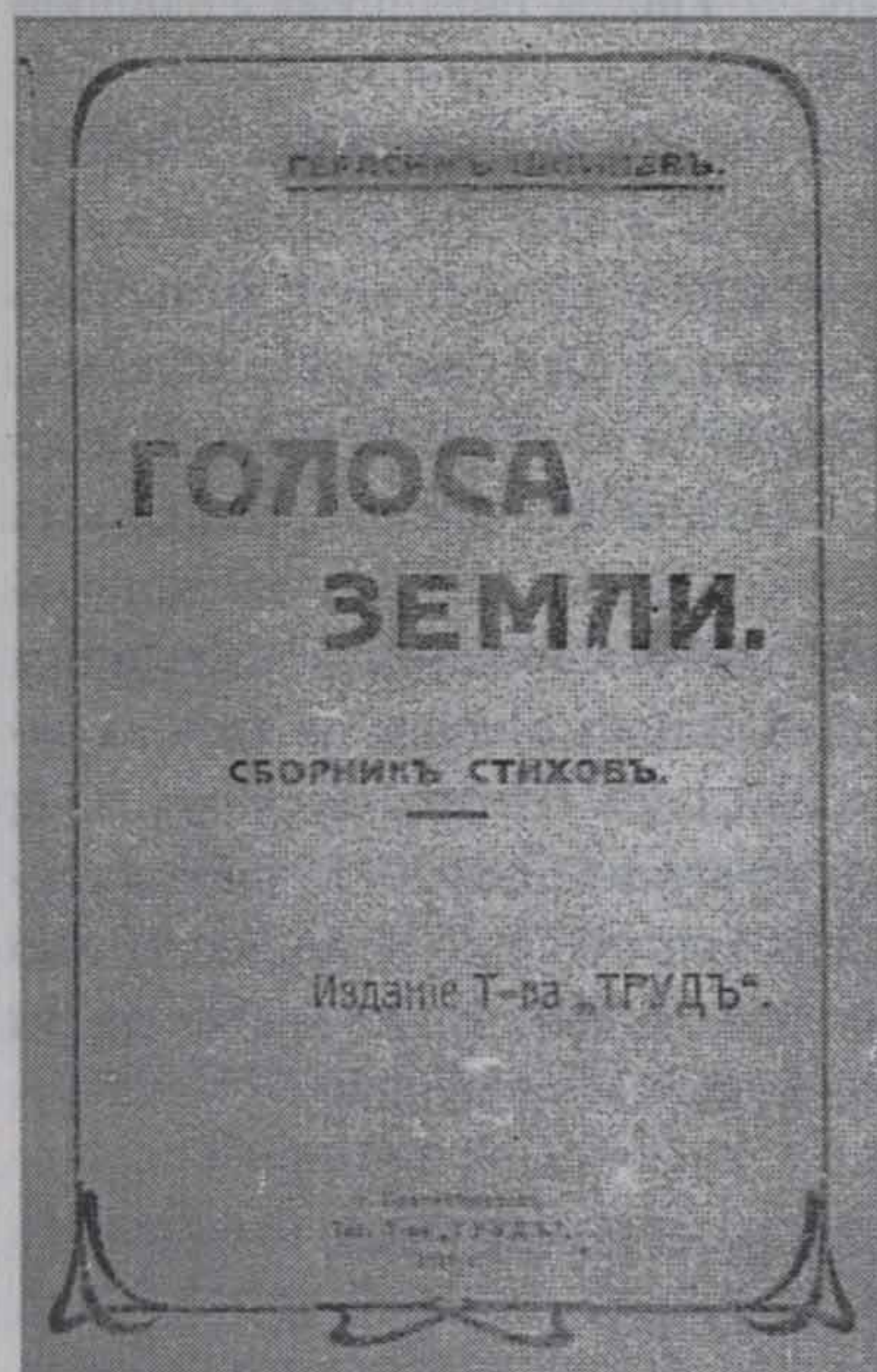
Но завершить статью о Герасиме Шпилёве хочется на другой, не столь минорной, ноте. Чрезвычайно показательная деталь: сборник «Голоса земли», выпущенный в годы братоубийственной гражданской войны, он

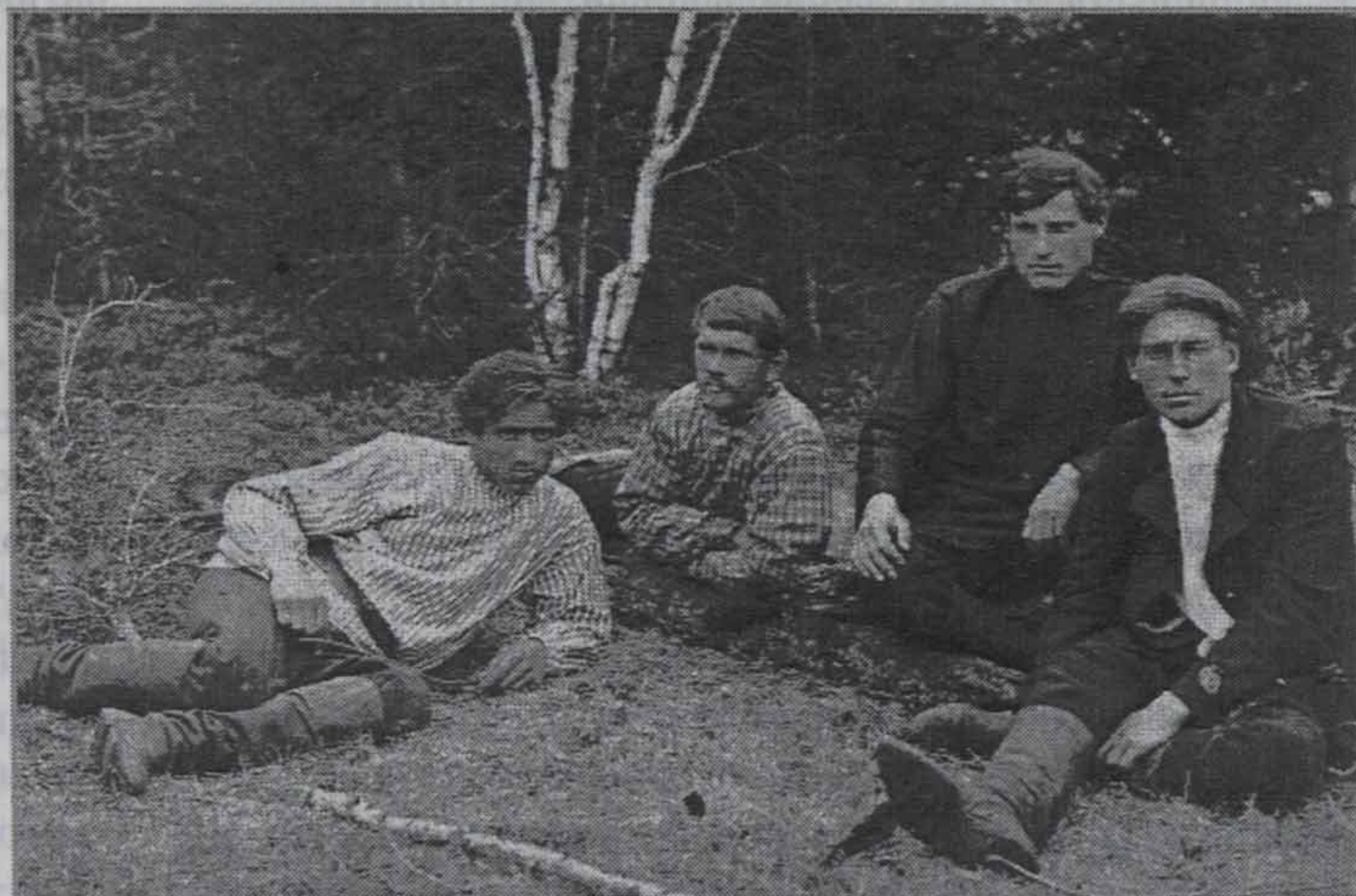
Первый поэтический сборник Г. Шпилёва

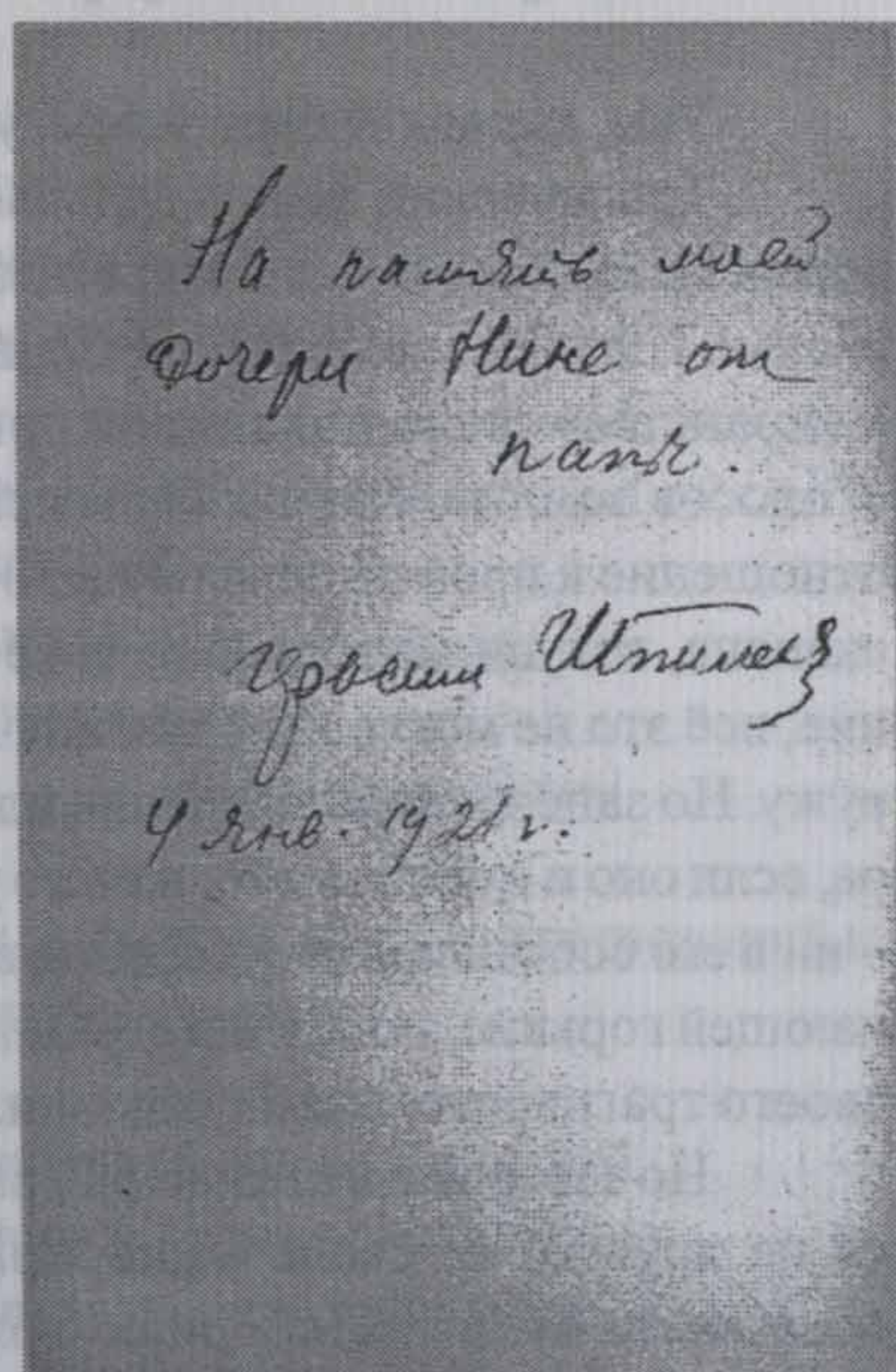
С женой. 1907 год

Сборник 1919 года

В ссылке. 1911 год

Автограф на 4-й странице сборника «Голоса земли»

Г. Шпилёв в кругу семьи. 1920-е годы

завершает стихами не о классовых сражениях, не о революции, не о манящих далях светлого будущего. В двух венчающих книгу произведениях: «Непокорённая стихия (Из жизни амурских лесорубов)» и «Таёжный извозчик (На Буре)» – взор автора неожиданно для читателя вновь обращается к прошлому – к картинам, которые Шпилёву довелось увидеть в детстве и юности. С огромным поэтическим вдохновением рисуя неравный поединок человека и могучей, необузданной природной стихии, автор и ужасается мощи этой стихии, и восхищается её красотой и величием. Человек – лишь маленькая частичка мироздания. Стихи Шпилёва ненавязчиво подводят читателя к закономерному итогу: смысл человеческого

бытия не в классовой борьбе, не в истреблении себе подобных, под каким бы благовидным предлогом это ни совершалось. Он в укрощении губительных природных стихий, в преодолении существующих в мире дисгармоний, в созидательном труде, в поиске форм органичного сосуществования с грандиозным Божьим мирозданием.

Финальные стихи эти – из лучших в творчестве Г. Шпилёва. Так увидеть и первозданную амурскую природу, и людей, отстаивающих своё право на существование, в дооктябрьской поэзии Приамурья не удалось никому. Предлагаем вниманию читателей альманаха «Амур» оба текста, первое стихотворение – в сокращении.

Герасим ШПИЛЁВ

Непокорённая стихия¹ (Из жизни амурских лесорубов)

<...>

III.

Светлый день! Несутся птицы
Из далёких, тёплых стран:
Тут и уток вереницы,
И гусей тут караван;

Тут и ласточка летает
Над оттаявшей землёй:
Вёсну, вёсну предвещает
Песней нежною своей!

Ветер южный чуть колышет
Прошлогоднею травой,
Он в лицо приятно дышит
Разопрелою землёй.

Запах лиственницы пряный,
Дух берёзы и сосны,
Ароматом воздух пьяный:
Этот воздух – вздох весны!

В синеве далёкой, чистой
Распластались облака,
Лентой ярко-золотистой
Обрамлены их бока.

Горы, будто бы вуалью,
Дымкой все заволокло.
И над трепетною далью
Солнце льёт своё тепло.

Но Амур всё так же скован:
Он спокойно, крепко спит,
Он как будто заколдован:
Не бежит и не шумит.

Скалы серые угрюмо
Охраняют сон его,
И объят он сонной думой,
Спит, и больше ничего!..

А с полудня ветер дует,
Обвевая мир теплом,
Он и рвётся, он бушует
Над рекой и над хребтом.

Вдруг и лёд зашевелился,
Он ломался и трещал,
Он горами громоздился,
Поднимая валом вал.

Что-то чудилось живое
В передвижке этой льда.
И Амур, как после боя,
После бранного труда

Торопился снять оковы,
Поскорей их разорвать,
Чтобы враг его суровый
Снова их не мог сковать, –

Чтоб не мог сковать навечно
Эту грудь богатыря;
И Амур теперь беспечный
Далеко несёт в моря

Свой покров холодный, тесный,
И восторженно ревёт,
И заманчиво прелестной
Он надеждою живёт.

¹ Стихотворения «Непокорённая стихия» и «Таёжный извозчик» цитируются по изданию: Шпилёв Г.И. Голоса земли: Сборник стихов. Благовещенск: Издание т-ва «Труд», 1919. С. 55–64.